

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БАТЫРХАИРОВ ПРОТИВ ТУРЦИИ»

(заявление № 69929/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

5 июня 2018 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

05/09/2018

Настоящее постановление стало окончательным согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

В деле «Батырхаиров против Турции»,

Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Роберт Спано, *Президент*,
Пол Лемменс,
Леди Бианку,
Ишил Каракаш,
Валериу Грицко,
Йон Фридрих Кжолбро,
Стефани Муру-Викстрем, *судьи*,

и Стэнли Найсмит, *Секретарь Секции*,

после закрытого заседания 15 мая 2018 года

выносит следующее постановление, принятое в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 69929/12) в отношении Республики Турция, поданному в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Казахстана, г-м Арманом Батырхаировым («заявитель»), 10 сентября 2012 г.

2. Заявителя представляли г-н А. Йилмаз и г-жа С.Н. Йилмаз и г-н Бухари Четинкая, адвокаты, практикующие в Стамбуле. Правительство Турции («Правительство») представлял их уполномоченный.

3. 12 декабря 2016 года Правительству были направлены жалобы касательно депортации заявителя в Казахстан и предположительно плохих условий его содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы, отсутствия эффективных средств правовой защиты в отношении вышеупомянутых жалоб, предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы, непредоставление заявителю информации о причинах его задержания, а также жалобы касательно отсутствия эффективного средства правовой защиты для обжалования законности его содержания под стражей и требования компенсации. Остальная часть заявления была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1980 году и содержится под стражей в г. Атырау, Казахстан.

A. Прибытие заявителя в Турцию и процедура предоставления убежища

5. Согласно представлениям заявителя, он покинул Казахстан в 2008 году и в качестве студента проживал в Саудовской Аравии и в Сирии до

июня 2011 года. Он не хотел возвращаться в свою страну, поскольку многих людей в Казахстане задержали по обвинениям в религиозном экстремизме и несколько его друзей выехали из Казахстана после давления со стороны правительства Казахстана в связи с их политическими и религиозными убеждениями.

6. В июне 2011 года заявитель прибыл в Турцию. Правительство утверждало, что после прибытия в Турцию в отношении него были выданы два запрета на въезд на основании подозрения в том, что он предоставлял материально-техническую поддержку иностранным гражданам, причастным к международному терроризму.

7. Однажды (дата не указана) заявитель был задержан полицией, после чего его перевели в депортационный центр в Кумкапы с целью высылки в Казахстан. Поскольку во время содержания под стражей заявитель подал ходатайство о предоставлении убежища, 28 октября 2011 года его освободили до принятия решения по его ходатайству о предоставлении убежища. В тот же день его уведомили о том, что ему следует направиться в провинцию Денизли и проживать там.

8. 4 ноября 2011 года заявитель снова подал ходатайство о предоставлении убежища - на этот раз в Офис губернатора провинции Денизли. В тот же день полицейский из Управления безопасности провинции Денизли провел с заявителем предварительное собеседование. Заявитель сказал, что узнал о том, что власти Казахстана разыскивают его по обвинениям в терроризме, и попросил предоставить ему разрешение на пребывание в Турции. Он утверждал, что в связи с высылкой в Казахстан он подвергнется опасности смерти. Согласно отчету от 22 ноября 2011 года о собеседовании с заявителем от 4 ноября 2011 года, назначенный органами полиции переводчик отметил, что заявитель говорит по-турецки.

9. 28 ноября 2011 года заявителя уведомили о том, что его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено. Согласно отчету от 22 ноября 2011 года, сотрудник полиции, проводивший собеседование с заявителем, установил, что последний не представил каких-либо конкретных доказательств в отношении своей гражданской принадлежности и личности, а также в отношении проблем, с которыми он столкнулся в Казахстане. Однако, этот сотрудник посчитал установленным фактом то, что заявитель опасается возвращения в свою страну, и что властям Турции известно о том, что в случае возвращения в Казахстан заявитель будет привлечен к ответственности.

10. 29 ноября 2011 года заявитель подал возражение в отношении отклонения своего ходатайства о предоставлении убежища. Он снова заявил, что подвергнется реальной опасности смерти в случае высылки в Казахстан.

11. Согласно представлениям Правительства, 26 декабря 2011 года его возражение было отклонено.

12. 12 января 2012 года заявитель подал ходатайство в Управление безопасности провинции Денизли о предоставлении разрешения на выезд из Турции, а также сообщил в полицию о том, что ему предложили визу для въезда и проживания в Египте.

13. 18 января 2012 года полиция дала разрешение заявителю на выезд из страны.

В. Разбирательства в отношении экстрадиции

14. Согласно документу от 6 января 2012 года, направленному заместителем директора Главного полицейского управления ряду органов полиции, во время встречи 4 января 2012 года посол Казахстана в Анкаре обратился к Министру внутренних дел Турции с просьбой об экстрадиции граждан Казахстана, которые причастны к террористическим актам, и в отношении которых Казахстан выдал уведомления о розыске («Красные уведомления») через Интерпол. Официальный запрос на экстрадицию в отношении таких лиц был подан посольством Казахстана в Анкаре в Министерство иностранных дел 31 декабря 2011 года. Согласно подготовленному посольством документу, заявитель и четверо других лиц являлись членами террористической организации «Союз исламского джихада», которая осуществляет террористические атаки в западном Казахстане. Они были задержаны властями Турции после получения через Интерпол Красного уведомления, выданного Казахстаном. Посольство отметило, что после подачи ходатайств о предоставлении убежища четверо из этих лиц, в том числе заявитель, были освобождены из-под стражи в Турции. Власти Казахстана считали, что эти пять человек готовили новую террористическую атаку в этой стране, и что после освобождения четверо из них организовали террористическую атаку в Атырауской области Казахстана, в сотрудничестве с еще одной террористической организацией Джунд аль-Хилафа («Солдаты Халифата»). Соответственно, посольство обратилось с просьбой к властям Турции не предоставлять им убежище и выслать их в Казахстан.

15. 19 января 2012 года, когда заявитель ожидал посадки на рейс в Египет в стамбульском аэропорту им. Ататюрка, его задержала полиция на основании запроса на экстрадицию, поданного посольством Казахстана турецким властям.

16. 23 января 2012 года департамент Интерпола-Европола при Главном полицейском управлении проинформировал Министерство юстиции и ряд силовых департаментов о выдаче Казахстаном Красного уведомления в отношении заявителя на основании совершения преступлений, связанных с терроризмом.

17. 24 января 2012 года Мировой суд Бакыркей вынес решение о заключении заявителя под стражу в рамках процедур экстрадиции на сорок дней. После этого заявителя поместили под стражу в тюрьму Малтепе в Стамбуле.

18. 25 января 2012 года заявитель подал ходатайство в Выездной суд Бакыркей и обжаловал свое содержание под стражей. В своем ходатайстве он, в частности, отметил, что лицо, которое подвергнется пыткам или другим формам жестокого обращения в своей стране происхождения, нельзя экстрадировать в эту страну.

19. 27 января 2012 года Выездной суд Бакыркей отклонил ходатайство заявителя об обжаловании его содержания под стражей.

20. 28 февраля 2012 года Выездной суд Бакыркей отклонил запрос на экстрадицию, поданный властями Казахстана. Во время проводившегося в тот же день слушания Выездной суд Бакыркей не счел нужным назначить заявителю переводчика, поскольку он говорит по-турецки. Согласно обоснованию судебного решения, в представлениях в свою защиту заявитель утверждал, что его ошибочно обвинили в принадлежности к «Аль-Каиде» или «Исламскому

джихаду», и просил суд не экстрадировать его в Казахстан. Выездной суд Бакыркей постановил, что заявителя нельзя экстрадировать в Казахстан, поскольку выдвинутое против него в Казахстане обвинение подпадает под одну из тех категорий преступлений, которые исключают экстрадицию и перечислены в статье 18(1)(b) Уголовного кодекса, действующей на тот момент (см. пункт 30 ниже). Кроме того, суд вынес решение об освобождении заявителя из-под стражи. Решение от 28 февраля 2012 года стало окончательным в отсутствие подачи апелляции в отношении этого решения.

С. Высылка заявителя из Турции

21. 28 февраля 2012 года заявителя освободили из тюрьмы, но сразу же перевели в депортационный центр в Кумкапы в Стамбуле. Согласно документу от 29 февраля 2012 года, заявителю сообщили о том, что он ожидает завершения процедуры депортации, которая проводится в отношении него.

22. 7 марта 2012 года заместитель директора Главного управления безопасности выдал распоряжение Полицейскому управлению Стамбула о депортации заявителя.

23. 12 марта 2012 года, находясь под стражей, заявитель посредством выдачи нотариально заверенной доверенности назначил своих представителей для осуществления от его имени необходимых правовых и процедурных действий в национальных органах власти и в Суде.

24. Согласно представлениям заявителя, 21 марта 2012 года, когда господин Йилмаз, один из его представителей, пришел на встречу с ним в депортационный центр в Кумкапы, сотрудники центра в устной форме сообщили ему о том, что 12 марта 2012 года заявитель был депортирован в Казахстан.

25. На запрос адвоката заявителя, 31 мая 2012 года Главное полицейское управление Стамбула направило адвокату заявителя письмо, в котором проинформировало его, что заявитель был депортирован в Казахстан 12 марта 2012 года.

26. В письме от 10 мая 2014 года господин Йилмаз утверждает, что по возвращении заявителя в Казахстан его заключили под стражу и поместили в тюрьму Атырау. Адвокат отмечает, что у него нет сведений относительно того, подвергался ли заявитель жестокому обращению в Казахстане, поскольку в телефонных разговорах с ним члены семьи заявителя воздержались от ответов на его вопросы касательно этого момента.

Д. Условия содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы

1. Пояснения заявителя

27. С 28 февраля по 12 марта 2012 года заявителя содержали под стражей в депортационном центре в Кумкапы. Заявитель утверждал, что на момент его содержания под стражей данный центр был переполнен. Ему не разрешали заниматься спортом на улице или какой-либо другой общественной деятельностью на протяжении всего срока содержания

под стражей. Кроме того, заявитель утверждал, что в центре были проблемы с гигиеной, а также было плохое питание.

2. Пояснения Правительства

28. Правительство утверждало, что депортационный центр в Кумкапы, в котором содержался заявитель, рассчитан на 300 человек, и в период с 28 февраля по 12 марта 2012 года в этом центре содержалось всего от 100 до 140 человек. Содержащиеся в центре лица размещались на трех этажах: первые два этажа были предназначены для лиц мужского пола, третий этаж - для женщин. На первом этаже было четыре жилых комнаты площадью 50, 58, 76 и 84 кв. м. На втором этаже было пять комнат площадью 50, 58, 69, 76 и 84 кв. м. Всего в 10 комнатах, предназначенных для содержащихся в центре лиц мужского пола, было 120 коек, во всех комнатах было естественное освещение. На каждом этаже было по пять душевых и шесть туалетов, а также столовая площадью 69 кв. м., в которой ежедневно подавали завтрак, обед и ужин. Содержащиеся в центре лица имели право заниматься спортом на улице, если позволяли физические условия, а также количество персонала. Врач присутствовал в помещении центра каждую неделю, кроме того у содержащихся в центре лиц был доступ к медицинской помощи в экстренных случаях. Что касается гигиены в данном учреждении, то там работали шесть уборщиков полный рабочий день.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

29. С описанием соответствующего национального законодательства и практики в отношении высылки иностранных граждан, действовавших на тот момент времени, можно ознакомиться в деле *Абдолхани и Каримниа против Турции (Abdolkhani and Karimnia v. Turkey)* (заявление № 30471/08, пункты 29-43, 22 сентября 2009 года).

30. Соответствующие части статьи 18(1) Уголовного кодекса, все еще действовавшие на тот момент времени, звучат следующим образом:

«Иностранный гражданин, обвиняемый в... предположительном совершении уголовного преступления в иностранном государстве, может быть по запросу возвращен в эту страну для привлечения к ответственности ... Однако, запрос на экстрадицию отклоняется ...

...

b) если [рассматриваемое] деяние носит характер правонарушения, связанного с высказываниями, политического или военного преступления ...»

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Документы Организации Объединенных Наций

1. *Заключительные замечания Комитета Организации Объединенных Наций против пыток касательно Казахстана от 12 декабря 2008 года и 12 декабря 2014 года.*

31. В своих Заключительных замечаниях по Казахстану от 12 декабря 2008 года (CAT/C/KAZ/CO/2) Комитет ООН против пыток отметил следующее:

«7. Комитет обеспокоен систематическими сообщениями о частом применении пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, зачастую для получения «добровольных признаний» или сведений для использования в качестве доказательств в ходе судопроизводства по уголовным делам, с тем чтобы продемонстрировать успешность своей служебной деятельности, определяемой по количеству раскрытых преступлений (статьи 2, 11 и 12) ...»

8. Комитет особо обеспокоен утверждениями о пытках или других видах жестокого обращения в изоляторах временного содержания (ИВС) и следственных изоляторах (СИЗО), находящихся под юрисдикцией Министерства внутренних дел или Комитета национальной безопасности (КНБ), особенно в контексте проводимых КНБ национальных и региональных операций по обеспечению безопасности и антитеррористических операций. Комитет с особой обеспокоенностью отмечает сообщения о том, что КНБ использовал антитеррористические операции для преследования уязвимых групп населения или групп, воспринимаемых как угроза национальной и региональной безопасности, например искателей убежища и членов или подозреваемых членов запрещенных исламских группировок или исламских партий (статья 2)...»

32. В документе «Перечень вопросов, препровождаемый Казахстану до представления им своего третьего периодического доклада» (CAT/C/KAZ/3), который Комитет ООН против пыток рассмотрел на 45 сессии в ноябре 2010 года и опубликовал в феврале 2011 года, касательно рассматриваемого вопроса говорится следующее:

«...Статья 2

3. Согласно информации, поступившей в Комитет со времени рассмотрения предыдущего периодического доклада в 2008 году, пытки и жестокое обращение, включая угрозы сексуального насилия и изнасилования, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, по-прежнему являются в государстве-участнике проблемой, вызывающей серьезную обеспокоенность, и эти явления имеют место не в единичных или редких случаях».

33. В своих Заключительных замечаниях по Казахстану от 12 декабря 2014 года (CAT/C/KAZ/CO/3) Комитет ООН против пыток отметил следующее:

«7. Приветствуя меры, принимаемые государством-участником с целью укрепления вышеуказанных законов и стратегий в отношении защиты прав человека и предотвращения пыток и жестокого обращения, Комитет по-прежнему выражает обеспокоенность по поводу сообщений о том, что на практике эти законы и стратегии реализуются непоследовательно. Комитет особо обеспокоен постоянными сообщениями о применении сотрудниками правоохранительных органов пыток и жестокого обращения, в том числе угроз сексуального насилия и изнасилования, в изоляторах временного содержания (ИВС) и следственных изоляторах (СИЗО), находящихся под юрисдикцией Министерства внутренних дел и Комитета национальной безопасности, с целью получения «добровольных признаний» или сведений для использования в качестве доказательств в ходе судопроизводства по уголовным делам (статья 2)...»

2. Доклад бывшего Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках от 16 декабря 2009 года

34. С 5 по 13 мая 2009 года бывший Специальный докладчик ООН по вопросам пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, г-н Манфред Новак, находился с визитом в Казахстане. В своем докладе от 16 декабря 2009 года, представленном в Совете по правам человека, г-н Новак, в частности, отметил следующее:

«...Хотя, по всей видимости, в последние годы физические условия содержания и питание в тюремных колониях были приведены в соответствие с международными минимальными стандартами, одно из ключевых требований международного законодательства о правах человека – ориентированность пенитенциарных систем на реабилитацию и реинтеграцию преступников, а не на их наказание – выполнено не было; предусмотренное законом ограничение на контакты с внешним миром противоречит этому принципу. Другим важным вопросом, вызывающим беспокойство, является то обстоятельство, что существующая в среде заключенных иерархия, по всей видимости, приводит к дискриминации и в некоторых случаях к насилию.

То же самое можно сказать и о местах досудебного содержания и местах заключения. Положение в местах досудебного содержания под стражей, которые находятся в ведении Министерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности и Министерства юстиции, по всей видимости, улучшилось с точки зрения физических условий содержания и питания; однако практически полный запрет на контакты с внешним миром, часто на продолжительные периоды времени, явно противоречит принципу презумпции невиновности и приводит к несоизмеренному психологическому давлению на подозреваемых.

Исходя из информации, полученной в ходе обсуждений, проведенных с государственными должностными лицами, судьями, адвокатами и представителями гражданского общества, бесед с жертвами насилия и с лицами, лишенными свободы, Специальный докладчик делает вывод о том, что применение пыток и жестокого обращения определенно не ограничивается единичными случаями. Он получил много достоверных сообщений об избивании подозреваемых кулаками, наполненными песком пластиковыми бутылками, полицейскими дубинками и ногами, а также об удушении с помощью полиэтиленовых пакетов и противогазов с целью получения от них признательных показаний. В ряде случаев эти сообщения были подкреплены данными судебно-медицинской экспертизы...»

3. Тридцать пятый ежегодный доклад Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека

35. Тридцать пятый ежегодный доклад Комитета ООН по правам человека, принятый 28 июля 2011 года (A/66/40 (Том 1)), касательно Казахстана звучит следующим образом:

«...(8) Хотя Комитет с пониманием относится к необходимости принятия государством-участником мер по борьбе с актами терроризма, включая разработку соответствующего законодательства для наказания таких деяний, он выражает сожаления по поводу поступающих сообщений о том, что сотрудники правоохранительных органов в ходе своей деятельности по борьбе с терроризмом преследуют представителей уязвимых групп, например, искателей убежища и членов исламских групп (статьи 2 и 26).

Государству-участнику следует принять меры для обеспечения того, чтобы в ходе деятельности по борьбе с терроризмом сотрудники правоохранительных органов не преследовали отдельных лиц исключительно на основании их статуса или религиозных убеждений и проявлений. Кроме того, государству-участнику следует обеспечить соответствие любых мер по борьбе с терроризмом Пакту и международному законодательству о правах человека. В этой связи государству-участнику следует подготовить полные данные, которые должны быть включены в его следующий периодический доклад, о выполнении антитеррористических законов и о том, как это влияет на осуществление прав, признаваемых в Пакте.

...

(14) Отмечая принятие плана действий на 2010–2012 годы по реализации рекомендаций Комитета против пыток, Комитет выражает беспокойство по поводу участвовавших сообщений о пытках и незначительного числа расследований специальными прокурорами предполагаемых случаев применения пыток. Комитет также обеспокоен тем, что предусмотренный в статье 347–1 Уголовного кодекса максимальный срок наказания за применение

пытков со смертельным исходом (10 лет лишения свободы) является слишком малым (статья 7).

Государству-участнику следует принять соответствующие меры с тем, чтобы положить конец пыткам, в частности путем укрепления полномочий специальных прокуроров по проведению независимых расследований предполагаемых случаев неподобающего поведения сотрудников правоохранительных органов. В этой связи государству-участнику следует обеспечить, чтобы сотрудники правоохранительных органов продолжали проходить инструктаж по вопросам предупреждения пыток и жестокого обращения путем включения во все предназначенные для сотрудников правоохранительных органов учебные программы Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Стамбульский протокол) 1999 года. Таким образом, государство-участник должно обеспечить эффективное расследование предполагаемых случаев применения пыток и жестокого обращения, привлечение к ответственности и соответствующее наказание виновных, а также адекватное возмещение ущерба потерпевшим. В этой связи государству-участнику предлагается пересмотреть свой Уголовный кодекс, чтобы обеспечить соразмерность наказания за пытки характеру и степени тяжести таких преступлений ...».

В. Доклады Государственного департамента Соединенных Штатов Америки

36. В своем Докладе о соблюдении прав человека в Казахстане за 2011 год Государственный департамент США отметил, в частности, следующее:

«Согласно закону, пытки запрещены; тем не менее, сотрудники полиции и тюрем постоянно избивают задержанных, а также совершают в отношении них противоправные действия, зачастую для получения признательных показаний...

Правозащитники утверждали, что правовое определение пыток слишком расплывчато и не соответствует стандартам ООН, а наказание за данное преступление - слишком мягкое. ГП, Комиссия по правам человека при Президенте и уполномоченный по правам человека признали, что некоторые сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и другие незаконные методы проведения расследования. Наблюдатели правозащитных миссий и международные правовые наблюдатели отмечали, что в ходе расследования и уголовного производства при составлении уголовного дела в отношении обвиняемого слишком большое значение придается признанию обвиняемым своей вины по сравнению со сбором других видов доказательств. Как правило, суды не придавали значения утверждениям обвиняемых о том, что признательные показания были получены сотрудниками посредством применения пыток или принуждения.

На мероприятии, которое в октябре 2010 года провели Управление Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН) и несколько НПО, Манфред Новак, специальный докладчик по вопросам пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, отметил, что, по его оценкам, пытки не применяются в Казахстане повсеместно, хотя культура безнаказанности позволяет сотрудникам полиции использовать для получения признательных показаний крайне жесткие методы, например жестокое избиение и удушение. Г-н Новак отметил, что полиция редко расследует жалобы о применении пыток.

... Местные НПО сообщали о том, что правительство публично признает наличие такой проблемы, как пытки.

37. В своем Докладе о соблюдении прав человека в Казахстане за 2012 год Государственный департамент США отметил, в частности, следующее:

«... Согласно закону пытки запрещены; тем не менее, сотрудники полиции и тюрем предположительно пытаются задержанных, а также совершают в отношении них противоправные действия, зачастую в целях получения признательных показаний... Например, представитель Казахстанского международного бюро по правам человека сообщил о том, что видел физические признаки применения пыток, в том числе струпья на коже, открытые раны, кровоподтеки, а также признаки нахождения заключенных в условиях чрезвычайного холода. Кроме того, представитель утверждал, что органы власти, как правило, не позволяют наблюдателям правозащитных миссий ознакомиться с условиями содержания в исправительных колониях. Члены Общественной наблюдательной комиссии (группа, состоящая из представителей НПО) побеседовали с заключенными исправительной колонии Костанай. После этой беседы представители органов власти изъяли записи членов группы и, по сообщениям, наказали заключенных, подавших жалобы комиссии, избив их и поместив в карцер.

Согласно данным местных НПО, чаще всего пытки применяются в центрах предварительного досудебного заключения с целью получения признательных показаний.

Власти предъявили обвинения двум сотрудникам полиции Сарыагашского района Южно-Казахстанской области в связи с применением ими пыток, когда они пытались получить признательные показания от трех задержанных, обвиняемых в совершении кражи. Сотрудники полиции, предположительно, надели на головы задержанных полиэтиленовые пакеты и подвергали их ударам электрического тока.

... Казахстанская Комиссия по правам человека, которая дает рекомендации Президенту по вопросам, связанным с правами человека, в 2011 году сообщила о том, что некоторые сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и другие незаконные методы проведения расследования. Комиссия отметила отсутствие независимых институтов для эффективного расследования жалоб о применении пыток. ...

Уполномоченный по правам человека рассмотрел жалобы заключенных и задержанных и пришел к выводу о том, что для получения признательных показаний сотрудники правоохранительных органов совершают действия противоправного характера или применяют пытки...»

С. Доклады Amnesty International

38. Посвященная Казахстану глава доклада Amnesty International «Права человека в мире, 2010 год», выпущенного 27 мая 2010 года, касательно рассматриваемого вопроса звучит следующим образом:

«... Признательные показания, полученные под пытками, по-прежнему принимались в качестве доказательств в судах. Уголовное судопроизводство не соответствовало международным стандартам справедливого суда. Как и прежде, пытки и другие формы жестокого обращения со стороны сотрудников силовых органов носили повсеместный характер, в частности, со стороны сотрудников Национальной службы безопасности в ходе операций в интересах национальной безопасности, борьбы с терроризмом и коррупцией.

... Пытки и другие формы жестокого обращения

В ноябре Европейский суд по правам человека вынес вердикт по делу «Кабулов против Украины». Суд постановил, что экстрадиция в Казахстан лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений, в том числе Амира Дамировича Кабулова, будет нарушением статьи 3 Европейской конвенции о правах человека, поскольку таким лицам будет угрожать серьезная опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению.

Несмотря на поправки к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам, принятые с целью пресечения злоупотреблений, были по-прежнему распространены пытки и другие формы жестокого обращения. По сообщениям, признательные показания, полученные под пытками, по-прежнему принимались

в качестве доказательств в уголовных судах. Кроме того, задержанных по-прежнему удерживали под стражей без составления протокола свыше трех часов, предусмотренных в национальном законодательстве. Несмотря на рекомендации, предложенные Комитетом ООН против пыток в ноябре 2008 года, проблема отсутствия четкого определения задержания по-прежнему оставалась нерешенной.

По результатам визита в Казахстан в мае 2009 года Специальный докладчик ООН по вопросам пыток отметил, что «получил много достоверных сообщений об избивании подозреваемых кулаками, наполненными песком пластиковыми бутылками, полицейскими дубинками и ногами, а также об удушении с помощью полиэтиленовых пакетов и противогазов с целью получения от них признательных показаний. В ряде случаев эти сообщения были подкреплены данными судебно-медицинской экспертизы. ...»

»

39. Посвященная Казахстану глава доклада Amnesty International «Права человека в мире, 2011 год», выпущенного 13 мая 2011 года, касательно рассматриваемого вопроса звучит следующим образом:

«...Власти приняли ряд мер, направленных на предотвращение пыток, в том числе сделали места лишения свободы более доступными для посещения независимыми общественными наблюдателями и публично пообещали проводить политику абсолютной нетерпимости к пыткам.

Политика Казахстана в области прав человека рассматривалась в рамках процедуры универсального периодического обзора ООН в феврале. В своем представлении делегация правительства в очередной раз заявила, что власти Казахстана твердо придерживаются политики абсолютной нетерпимости к пыткам и «не остановятся, пока не будут полностью и повсеместно ликвидированы малейшие проявления пыток».

В феврале правительство отложило создание независимого механизма по надзору за местами лишения свободы – национального превентивного механизма (НПМ) – на срок до трех лет. Тем не менее в соответствии со своими обязательствами по Факультативному протоколу к Конвенции ООН против пыток власти продолжали разрабатывать правовую базу для НПМ в тесном сотрудничестве с казахстанскими и международными НПО, а также межправительственными организациями.

В апреле Генеральная прокуратура сообщила Amnesty International, что представителям Независимой общественной наблюдательной комиссии предоставили беспрецедентный доступ в следственные изоляторы Комитета национальной безопасности; четыре визита имели место в 2009 году и восемь – в 2010 году.

Несмотря на эти меры, задержанные полицией люди сообщали о том, что по отношению к ним часто применяют пытки и другие формы жестокого обращения как до момента официальной регистрации в полицейском участке, так и после. Сотрудники правоохранительных органов часто не соблюдали действующий закон о задержании, согласно которому задержанных необходимо регистрировать в течение трех часов с момента ареста.

В октябре Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках высказал критику в адрес Казахстана за то, что в стране по-прежнему скрывают весь масштаб пыток и других форм жестокого обращения в изоляторах и тюрьмах...»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ВЫСЫЛКОЙ ЗАЯВИТЕЛЯ В КАЗАХСТАН

40. Заявитель подал жалобу по статьям 3 и 13 Конвенции относительно того, что его незаконно депортировали в Казахстан несмотря на решение Выездного суда Бакыркей от 28 февраля 2012 года, а также без проведения какой-либо оценки его утверждения об угрожающей ему опасности подвергнуться пыткам и другим формам жестокого обращения в случае возвращения, даже при том, что такая опасность существовала в соответствующий момент времени.

Статьи 3 и 13 Конвенции гласят:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

41. Правительство оспорило эти доводы.

A. Статья 3 Конвенции

1. Приемлемость

42. Суд отмечает, что эта часть заявления не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть объявлена приемлемой.

2. Суть

а. Представления сторон

43. Заявитель утверждал, что из-за депортации в Казахстан он подвергся реальной опасности жестокого обращения в связи с выдвинутыми против него обвинениями в этой стране. В этом отношении он заявил, что административные органы власти отклонили его ходатайство о предоставлении убежища без проведения оценки его утверждения о том, что он столкнется с реальной опасностью жестокого обращения в случае высылки в Казахстан. Кроме того, заявитель утверждал, что ему не вручили административное решение в отношении его возражения на решение об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Заявитель утверждал, что его депортировали в Казахстан несмотря на постановление Выездного суда Бакыркей об отклонении запроса на экстрадицию. По его мнению, согласно национальному законодательству его депортация была незаконной. Заявитель утверждал, что ему не вручили распоряжение о депортации, и потому у него не было возможности обжаловать это распоряжение до депортации в Казахстан.

44. Правительство утверждало, что заявителю был запрещен въезд на территорию Турции, поскольку его подозревали в предоставлении помощи лицам, причастным к международному терроризму. Кроме того, Правительство утверждало, что полиции стало известно о том факте, что заявителя разыскивают власти Казахстана и что он будет привлечен к ответственности в Казахстане в случае возвращения в эту страну, после того, как органы власти Турции провели оценку его ходатайства о предоставлении убежища. Правительство заявило, что заявитель не смог обосновать свои утверждения относительно опасности жестокого обращения в случае его депортации в Казахстан.

б. Оценка Суда

45. Согласно установившейся прецедентной практике Суда, с точки зрения международного права и с учетом договорных обязательств договаривающихся государств, в том числе вытекающих из Конвенции, договаривающиеся государства имеют право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Однако, в связи с осуществляемой договаривающимся государством высылкой может возникнуть вопрос о нарушении статьи 3, что повлечет за собой ответственность этого государства по Конвенции, в случае возникновения существенных оснований полагать, что в случае депортации соответствующее лицо столкнется с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3. В таком случае статья 3 предполагает обязательство не депортировать соответствующее лицо в такую страну (см. *Saadi против Италии (Saadi v. Italy)* [БП], заявление № 37201/06, пункты 124-125, ЕСПЧ 2008; *F.G. против Швеции (F.G. v. Sweden)* [БП], заявление № 43611/11, пункт 111, ЕСПЧ 2016; и *J.K. и другие против Швеции (J.K. and Others v. Sweden)* [БП], заявление № 59166/12, пункт 79, ЕСПЧ 2016). Кроме того, с учетом того факта, что в статье 3 закреплена одна из основополагающих ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы, а также того, что согласно этой статье в абсолютных выражениях запрещаются пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, утверждение о наличии существенных оснований опасаться обращения,

противоречащего статье 3, должно стать предметом внимательной проверки, а также независимого и тщательного рассмотрения (см. *Бабаянов против Турции (Babajanov v. Turkey)*, заявление № 49867/08, пункт 42, 10 мая 2016 года, а также упомянутые в этом постановлении дела).

46. Суд считает, что с учетом обстоятельств данного дела, а также жалоб заявителя, формулировки которых приведены выше, основной вопрос в данном деле, на который необходимо ответить, состоит не в том, подвергался ли заявитель реальной опасности жестокого обращения в Казахстане, а в том, провели ли органы власти Турции надлежащую оценку утверждения заявителя о том, что он столкнется с реальной опасностью жестокого обращения в случае депортации в Казахстан, до его депортации из Турции в Казахстан 12 марта 2012 года (см. дело *Бабаянова (Babajanov)*, упомянутое выше, пункт 43). Поэтому рассмотрение дела Судом будет ограничиваться установлением того, выполнили ли органы власти государства свои процедурные обязательства по статье 3 Конвенции (см. дело *F.G.*, упомянутое выше, пункт 117).

47. Суд отмечает, что заявитель постоянно утверждал в национальных органах власти о том, что он подвергнется реальной опасности смерти или жестокого обращения в случае высылки в Казахстан. Он предоставил национальным органам власти информацию о своей личной ситуации и о причинах, по которым он опасается жестокого обращения и смерти. Кроме того, документ, в котором содержится запрос властей Казахстана на экстрадицию, свидетельствовал о том, что власти Казахстана проявляют интерес к персоне заявителя как к лицу, подозреваемому в терроризме, хотя он никогда не признавал, что связан с какой-либо террористической организацией. Далее Суд отмечает, что, как явствует из информации и материалов, находившихся в открытом доступе для административных органов власти в соответствующее время, различные стороны независимо друг от друга сообщали о жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов в Казахстане; случаи жестокого обращения не были «единичными или разовыми»; сотрудники правоохранительных органов «преследовали членов исламских групп в рамках деятельности по борьбе с терроризмом» в этой стране (см. Пункты 31-39 выше). Таким образом, Суд приходит к выводу, что национальные органы власти знали или должны были знать о фактах, свидетельствующих о том, что заявитель может подвергнуться опасности жестокого обращения по возвращении в Казахстан. Поэтому они были обязаны рассмотреть доводы заявителя и внимательно оценить опасность жестокого обращения в случае высылки заявителя в Казахстан, чтобы развеять любые сомнения по поводу возможного жестокого обращения (см. дело *F.G.*, упомянутое выше, пункт 127, и дело *Бабаянова (Babajanov)*, упомянутое выше, пункт 45).

48. Исходя из этого, Суд отмечает, что Правительство прямо попросили сделать представление относительно следующего: оценили ли национальные органы власти наличие реальной опасности жестокого обращения до высылки заявителя в Казахстан; было ли выдано распоряжение о депортации для его высылки; а также был ли у заявителя доступ к адвокату для обжалования решения о депортации в национальных судах. Правительство также попросили предоставить

копии документов, относящихся к ходатайству заявителя о предоставлении убежища, в том числе проведенный национальными органами власти анализ, распоряжение о депортации и официальное уведомление о высылке.

49. Правительство предоставило лишь документ, в котором содержались представления заявителя в национальные органы власти, отчет полиции о проведенном с заявителем собеседовании, копия уведомления заявителя об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища, а также копии других уведомительных документов. Они не представили документов, содержащих оценку, проведенную органами власти в отношении ходатайства заявителя о предоставлении убежища и его возражения от 29 ноября 2011 года. Заявителя также не уведомили о решении об отклонении его возражения. Кроме того, в материалах дела не было никаких документов, свидетельствующих о том, что органы власти вынесли официальное распоряжение о депортации, а заявитель был уведомлен об этом распоряжении. Правительство также не ответило на вопрос суда относительно оценки на национальном уровне наличия реальной опасности жестокого обращения. Правительство лишь заявило, что властям было известно о выдвинутых против заявителя обвинениях, связанных с терроризмом; что оценка ходатайства заявителя о предоставлении убежища была проведена; а также, что заявитель не смог обосновать свои утверждения о возможном жестоком обращении.

50. В связи с вышеизложенным Суд приходит к выводу, что заявителя, искателя убежища, депортировали в Казахстан - страну, которая не является государством-членом Совета Европы - в отсутствие правовой процедуры, предусматривающей гарантии в отношении незаконной депортации, а также без надлежащей оценки его ходатайства о предоставлении убежища. В этом отношении Суд подчеркивает, что с учетом значения, придаваемого статье 3 Конвенции, абсолютного характера права, гарантируемого согласно статье 3, а также необратимого характера потенциального вреда, если опасность жестокого обращения воплотится в реальности, национальные органы власти должны проявить максимальную тщательность и провести внимательное рассмотрение утверждений по статье 3, в отсутствие чего национальные средства правовой защиты не могут считаться эффективными (см. дело *Бабаянова (Babajanov)*, упомянутое выше, пункт 48).

51. Кроме того, полиция депортировала заявителя в Казахстан невзирая на наличие судебного решения - постановления Выездного суда Бакыркей об отклонении запроса властей Казахстана на экстрадицию на том основании, что в этой стране заявитель обвинялся в совершении одного из преступлений, которые исключают экстрадицию и которые перечислены в статье 18(1)(b) Уголовного кодекса, все еще действовавшей на тот момент (то есть правонарушение, связанное с высказываниями, политическое или военное преступление - см. пункты 20 и 30 выше). Суд считает, что таким образом высылка заявителя в Казахстан представляла собой нарушение национальной процедуры экстрадиции (см., с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), *Савриддин Джураев против России (Savrididin Dzhurayev v. Russia)*, № 71386/10, пункт 204, ЕСПЧ 2013 (выдержки)).

52. Таким образом, в отсутствие рассмотрения национальными органами власти утверждения заявителя о том, что в случае высылки в Казахстан он столкнется с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3, а также правовой процедуры, предусматривающей гарантии в отношении незаконной депортации, Суд считает, что депортация заявителя в Казахстан 12 марта 2012 года была нарушением статьи 3 Конвенции (там же, пункт 49; также, для сравнения, *Кабулов против Украины (Kaboulov v. Ukraine)*, заявление №41015/04, пункты 110-115, 19 ноября 2009 года; *Байсаков и другие против Украины (Baysakov and Others v. Ukraine)*, заявление №54131/08, пункты 46-52, 18 февраля 2010 года; *Джаксибергенев против Украины (Dzhaksybergenov v. Ukraine)*, заявление № 12343/10, пункты 32-38, 10 февраля 2011 года; *Шарипов против России (Sharipov v. Russia)*, заявление № 18414/10, пункты 31-38, 11 октября 2011 года; *Ефимова против России (Yefimova v. Russia)*, заявление № 39786/09, пункты 197-213, 19 февраля 2013 года; а также *Ошлаков против России (Oshlakov v. Russia)*, заявление № 56662/09, пункты 78-92, 3 апреля 2014 года).

В. Статья 13 Конвенции

53. С учетом обоснования, приведшего к выводу о нарушении в данном деле статьи 3 Конвенции, Суд не находит ничего, что оправдало бы отдельное рассмотрение тех же фактов с точки зрения статьи 13 Конвенции. Поэтому Суд не считает необходимым выносить отдельное решение по поводу приемлемости или по сути жалоб заявителя, рассматриваемых в этом разделе (дело *Бабаянова (Babajanov)*, упомянутое выше, пункт 52).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

54. Со ссылкой на пункт 1 статьи 5 Конвенции заявитель подал жалобу о том, что его незаконно содержали под стражей в депортационном центре в Кумкапы. Кроме того, он подал жалобу по пункту 2 статьи 5 о том, что его не проинформировали надлежащим образом о причинах лишения свободы в данном центре. По пункту 4 статьи 5 и статье 13 заявитель утверждал, что у него не было возможности судебного пересмотра его содержания под стражей в этом центре. Наконец, по пункту 5 статьи 5 Конвенции он утверждал, что согласно национальному законодательству у него не было права на компенсацию в отношении вышеупомянутых жалоб.

55. Правительство не согласилось с этими доводами.

56. Прежде всего, Суд считает, что жалоба по статье 13 подлежит рассмотрению только согласно пункту 4 статьи 5, в котором предусматриваются специальные положения (*a lex specialis*) в отношении более общих условий статьи 13 (см. *Ярошонен против Турции (Yarashonen v. Turkey)*, заявление № 72710/11, пункт 34, 24 июня 2014 года).

Касательно рассматриваемых вопросов статья 5 звучит следующим образом:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его несанкционированного въезда в страну или лица, в отношении которого принимаются меры по его депортации или экстрадиции.

2. Каждый арестованный должен быть незамедлительно проинформирован на понятном ему языке о причинах его ареста и любом выдвинутом против него обвинении.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или содержания под стражей, имеет право инициировать разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно определяет законность задержания и принимает решение об освобождении, если задержание является незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания, осуществленного в нарушение положений данной статьи, имеет обеспеченное правовой санкцией право на компенсацию.

А. Приемлемость

57. Со ссылкой на документ от 29 февраля 2012 года (см. пункт 21 выше) Правительство заявило, что заявителю сообщили о том, что он ожидает завершения процедуры депортации, которая проводится в отношении него.

58. Заявитель утверждал, что его не уведомили о причинах задержания согласно требованиям пункта 2 статьи 5 Конвенции. Он заявил, что не знает турецкий язык на достаточном уровне.

59. На основании представленного Правительством документа от 29 февраля 2012 года Суд отмечает, что заявителя уведомили о причинах его содержания под стражей в депортационном центре в Кумпкапы на турецком языке. С учетом мнения переводчика, присутствовавшего на собеседовании заявителя в полиции и в Выездном суде Бакыркей, о том, что заявитель знает турецкий язык на достаточном уровне (см. пункты 8 и 20 выше), а также принимая во внимание то, что заявитель смог на турецком языке предъявить свои претензии в полиции и в судебных органах, Суд не видит каких-либо оснований сделать вывод о том, что заявитель не говорит по-турецки.

60. Следовательно, жалоба заявителя по пункту 2 статьи 5 Конвенции является явно необоснованной и должна быть отклонена, в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 статьи 35 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

61. Суд заключает, что остальные жалобы заявителя по пунктам 1, 4 и 5 статьи 5 Конвенции не являются явно необоснованными в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Таким образом, они должны быть объявлены приемлемыми.

В. Суть

1. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции

62. Правительство не сделало каких-либо представлений по этому разделу.

63. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей не имело правовой основы в национальном законодательстве.

64. Суд уже изучал аналогичную жалобу в деле *Абдолхани и Каримниа против Турции* (*Abdolkhani and Karimnia v. Turkey*, №30471/08, пункты 125-135, 22 сентября 2009 года), в котором он установил, что в отсутствие четких правовых положений в турецком законодательстве, в которых устанавливается процедура вынесения распоряжения о содержании под стражей в целях депортации, задержание заявителей является «незаконным» в целях статьи 5 Конвенции. Нет никаких особых обстоятельств, в связи с которыми Суд должен отступить от своих выводов в этом постановлении.

65. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

2. Предполагаемое нарушение пунктов 4 и 5 статьи 5 Конвенции

66. Правительство утверждало, что заявитель мог обратиться в административные суды согласно статье 125 Конституции, чтобы оспорить законность своего задержания и потребовать компенсацию. Кроме того, Правительство утверждало, что заявитель мог добиваться приостановления исполнения в отношении своего задержания согласно статье 27 Акта об административной процедуре (Закон № 2577).

67. Заявитель утверждал, что эффективное средство правовой защиты, при помощи которого можно было бы оспорить законность его задержания в депортационном центре в Кумкапы, отсутствовало, а также что согласно национальному законодательству у него не было права на компенсацию в отношении его жалоб по другим пунктам статьи 5 Конвенции.

68. Суд отмечает, что в прошлом он установил нарушение пунктов 4 и 5 статьи 5 Конвенции в ряде аналогичных случаев, в которых Суд пришел к заключению, что в правовой системе Турции для лиц, находящихся в том же положении, что и заявитель, не предусматривается средство правовой защиты, при помощи которого они могут добиться судебного пересмотра законности их задержания (в значении пункта 4 статьи 5) и получить компенсацию за незаконное задержание (согласно требованиям пункта 5 статьи 5 Конвенции) (см. *Техрани и другие против Турции* (*Tehrani and Others v. Turkey*), заявления №№ 32940/08, 41626/08 и 43616/08, пункт 79, 13 апреля 2010 года; дело *Абдолхани и Каримниа* (*Abdolkhani and Karimnia*), упомянутое выше, пункт 142; *Дбуба против Турции* (*Dbouba v. Turkey*), заявление № 15916/09, пункты 53-54, 13 июля 2010 года; дело *Ярашонен* (*Yarashonen*), упомянутое выше, пункт 48; *Мусаев против Турции* (*Musaev v. Turkey*), № 72754/11, пункт 39, 21 октября 2014 года; а также *Алимов против Турции* (*Alimov v. Turkey*), заявление № 14344/13, пункт 50, 6 сентября 2016 года). В отсутствие каких-либо представленных Правительством примеров того, как административные суды безотлагательно рассматривали заявления и выносили решения об освобождении искателя убежища на основании незаконности его/ее задержания, а также присуждали ему/ей компенсацию, Суд не видит причин отступить от своих выводов в вышеупомянутых постановлениях.

69. Соответственно, имело место нарушение пунктов 4 и 5 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ДЕПОРТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ В КУМКАПЫ.

70. Заявитель подал жалобу по статьям 3 и 13 Конвенции относительно условий содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы в период с 28 февраля по 12 марта 2012 года, а также относительно отсутствия каких-либо эффективных национальных средств правовой защиты, при помощи которых он мог бы инициировать жалобы касательно условий содержания под стражей.

Статьи 3 и 13 Конвенции звучат следующим образом:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению или наказанию».

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

71. Правительство оспорило эти доводы.

А. Приемлемость

72. Правительство утверждало, что эту часть заявления следует отклонить в связи с тем, что не были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты согласно определению пункта 1 статьи 35 Конвенции. В этой связи Правительство утверждало, что заявитель должен был обратиться в административные или судебные органы и добиваться компенсации согласно статьям 36 и 125 Конституции в отношении своих жалоб.

73. Заявитель оспорил данный довод Правительства, заявляя, что в отношении его жалоб не существовало никакого надлежащего средства правовой защиты, что также объясняет то, что Правительство не представило никаких примеров того, как рассматриваемые правовые положения обеспечили бы эффективное восстановление справедливости на практике.

74. Суд считает, что вопрос относительно исчерпания национальных средств правовой защиты тесно связан с сутью жалобы заявителя о том, что он не располагал эффективным средством правовой защиты для подачи жалобы относительно бесчеловечных и унижающих достоинство условий его содержания под стражей. Поэтому Суд считает необходимым приобщить данное возражение Правительства к сути жалобы по статье 13 Конвенции (см. дело *Ярашонен (Yarashonen)*, упомянутое выше, пункт 54; дело *Мусаева (Musaev)*, упомянутое выше, пункт 45; и дело *Алимова (Alimov)*, упомянутое выше, пункт 56).

75. Кроме того, Суд считает, что жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции касательно условий его содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы, а также касательно отсутствия эффективных средств правовой защиты в этом отношении не являются явно необоснованными в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому Суд объявляет эти жалобы приемлемыми.

В. Суть

1. Статья 13 Конвенции

76. Как указано в пункте 72, Правительство утверждало, что у заявителя были эффективные средства правовой защиты в отношении его жалоб касательно условий содержания под стражей.

77. Заявитель повторил свои жалобы и доводы, как изложено в пункте 73 выше.

78. Суд отмечает, что он уже рассматривал и отклонял подобные представления Правительства-ответчика в аналогичных делах и устанавливал нарушение статьи 13 Конвенции (см. дело *Ярашонен (Yarashonen)*, упомянутое выше, пункты 56-66; дело *Мусаева (Musaev)*, упомянутое выше, пункты 53-55; *T. и A. против Турции (T. and A. v. Turkey)*, заявление № 47146/11, пункт 86, 21 октября 2014 года; и дело *Алимова (Alimov)*, упомянутое выше, пункты 63-67). В отсутствие каких-либо представленных Правительством примеров случаев, в которых обращение в административный или судебный орган привело к улучшению условий содержания под стражей и/или к присуждению компенсации за страдания, перенесенные в связи с неблагоприятными материальными условиями, Суд не видит причин отступить от своих выводов по вышеупомянутым делам.

79. Поэтому Суд отклоняет возражение Правительства касательно неисчерпания национальных средств правовой защиты и приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективного средства правовой защиты для подачи жалобы относительно ненадлежащих условий содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы.

2. Статья 3 Конвенции

80. Правительство утверждало, что условия содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции.

81. Заявитель повторил свои утверждения.

82. Суд отмечает, что в своих представлениях Правительство предоставило информацию об условиях содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы, в частности, касательно вместимости помещений и количества лиц, содержащихся в данном Центре с 28 февраля по 12 марта 2012 года. Однако, они не подали какого-либо документа в подтверждение своих представлений, хотя их прямо об этом попросили при уведомлении о получении заявления.

83. Кроме того, Суд отмечает, что он уже устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с материальными условиями содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы - в частности, из-за очевидных доказательств переполненности и отсутствия доступа к занятиям спортом на улице - в ряде дел, поданных в Суд заявителями, содержащимися в этом центре в 2010, 2011 и 2012 годах (см. дело *Ярашонен (Yarashonen)*, упомянутое выше, пункт 81; дело *Мусаева (Musaev)*, упомянутое выше, пункт 61; и дело *Алимова (Alimov)*, упомянутое выше, пункт 85). Суд отмечает, что в вышеупомянутых делах он уделил особое внимание выводам Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего

достоинство обращения или наказания («ЕКПШ»), членов Великого национального собрания Турции, а также Специального докладчика ООН по вопросу о правах человека мигрантов касательно проблем переполненности и отсутствия возможности занятий спортом на улице в данном центре, составленных по результатам посещений в июне 2009 года, мае 2012 года и июне 2012 года соответственно (см. дело *Ярашонен (Yarashonen)*, упомянутое выше, пункты 25, 28 и 30). Суд отмечает, что Правительство не представило каких-либо доказательств, которые могли бы оправдать отступление от этих выводов. Таким образом, Суд приходит к заключению, что условий содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы - в сочетании с возможным чувством тревоги, обусловленным неопределенностью относительно окончания срока содержания под стражей - достаточно для вывода о том, что условия содержания заявителя под стражей вызвали у него стресс, тяжесть которого превысила неизбежную степень страданий, характерную для содержания под стражей, и достигла порога унижающего достоинство обращения, запрещенного согласно статье 3 (там же, пункт 80).

84. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с материальными условиями, в которых содержался заявитель в депортационном центре в Кумкапы.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

85. В статье 41 Конвенции предусматривается следующее:

«Если Суд признает факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней и если внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны предусматривает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет потерпевшей стороне справедливую сатисфакцию».

A. Ущерб

86. Заявитель предъявил требование о выплате 40 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального ущерба.

87. Правительство оспорило это требование как чрезмерное.

88. Вынося решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 6 500 евро в качестве компенсации морального ущерба.

B. Судебные расходы и издержки

89. Кроме того, заявитель предъявил требование о выплате 4 661 евро в качестве компенсации расходов на оплату услуг адвокатов и 345 евро в качестве компенсации других расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела в Суде, например дорожных расходов, расходов на канцелярские принадлежности, фотокопирования, перевод и почтовых расходов. В связи с этим он представил таблицу учета рабочего времени, согласно которой осуществляя правовую работу его представители отработали тридцать девять часов и тридцать минут, соглашение о предоставлении правовых услуг, заключенное с его представителями, а также счета на остальные расходы и издержки.

90. Правительство оспорило эти требования, считая их необоснованными.

91. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что они были фактическими и необходимыми, а их размер обоснован. В настоящем деле, с учетом находящихся в распоряжении Суда документов и вышеперечисленных критериев, Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 3 345 евро для покрытия расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела в Суде.

С. Пеня

92. Суд считает целесообразным установить пению, исходя из размера предельной ставки по займам Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Приобщает* возражение Правительства о неисчерпании национальных средств правовой защиты в отношении условий содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы к сути жалобы по статье 13 Конвенции и *отклоняет* его;
2. *Объявляет* приемлемыми жалобу по статье 3 Конвенции касательно депортации заявителя в Казахстан 12 марта 2012 года, жалобы по пунктам 1, 4 и 5 статьи 5 Конвенции касательно предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы, предполагаемого отсутствия национальных средств правовой защиты, при помощи которых можно оспорить законность своего содержания под стражей в депортационном центре и получить компенсацию, а также жалобы по статье 3 и 13 Конвенции касательно условий содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы в период с 28 февраля по 12 марта 2012 года;
3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать приемлемость или суть жалобы по статье 13 Конвенции касательно депортации заявителя в Казахстан 12 марта 2012 года;
4. *Объявляет* остальную часть заявления неприемлемой;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с депортацией заявителя в Казахстан 12 марта 2012 года;
6. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
7. *Постановляет*, что имело место нарушение пунктов 4 и 5 статьи 5 Конвенции;
8. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в депортационном центре в Кумкапы;

9. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты для подачи жалобы относительно условий содержания под стражей в депортационном центре в Кумкапы;
10. *Постановляет, что*
- (а) Государство-ответчик должно в течение трех месяцев с даты, когда это постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы, которые должны быть конвертированы в валюту Государства-ответчика по курсу на дату осуществления платежа:
- (i) 6 500 евро (шесть тысяч пятьсот евро), плюс любой налог, который может быть начислен, - в порядке компенсации морального ущерба;
- (ii) 3 345 евро (три тысячи триста сорок пять евро), плюс любой налог, который может быть начислен заявителю, - в порядке компенсации судебных расходов и издержек;
- (b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной ставки по займам Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процентных пункта;
11. *Отклоняет* остальную часть требования заявителя о справедливой сатисфакции;

Составлено на английском языке и уведомлено в письменном виде 5 июня 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стэнли Найсмит
Секретарь

Роберт Спано
Председатель